

Левое движение в Латвии

АНДРЕЙ КРАСНЫЙ, АЛЕКСАНДР ЛОКОШЕНКО, НОРМУНД УПЕНИЕКС

ЛЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛАТВИИ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

POLITSTURM.COM

2016-11-30

12 мин. на чтение

Националистическая идеология начала внедряться ещё до уничтожения Советской власти в Латвии. В конце 1980-ых годов, именно при прямом участии союзного центра во главе с Горбачёвым и Яковлевым были сформированы антикоммунистические «народные» фронты в Прибалтике. Но уникальность момента состояла в том, что из низов рабочего класса, а также среди идейных коммунистов возник протест против реставрации буржуазного строя в Латвии. В противовес антикоммунистическому «народному» фронту Латвии в 1989 году прошёл учредительный съезд Интернационального фронта трудящихся Латвийской ССР (Интерфронт), именно это стало началом антибуржуазного левого движения в Латвии.

Интерфронт возник 7 января 1989 года на учредительном конгрессе движения. Он выступал за сохранение социализма в Латвии и за дальнейшее нахождение Латвии в составе СССР. Летом 1989 года Интерфронт участвовал в создании Объединённого фронта трудящихся СССР. В декабре 1989 года при поддержке Интерфронта был организован Форум народов Латвийской ССР, так как в это время националистами уже всячески раздувалась национальная напряжённость между народами. Но форум народов оказался слаб перед лавинообразным процессом разрушения СССР и национализмом, насаждаемым при активном участии органов власти Латвийской ССР.

В марте 1990 года Интерфронт участвовал в выборах в Верховный Совет Латвии (высший орган власти в республике), наилучшие результаты были получены в Риге и Даугавпилсе, где он формировал местную власть.

15 мая 1990 года ОМОН разогнал толпу сторонников Интерфронта у здания Верховного Совета после принятия Верховным Советом Латвии антиконституционной «декларации о независимости» капиталистической Латвии. Тот самый ОМОН, который уже в 1991 подвергся репрессиям со стороны этой новой власти.

Параллельно этому правящее положение в республике теряла Коммунистическая партия Латвии (латвийское отделение КПСС). Многие бывшие члены КПСС демонстративно изменяли делу партии и перебежали в стан сторонников буржуазно-националистической республики, власть которой при попустительстве союзного центра только укреплялась. Таким образом, не набравший большинства Народный фронт Латвии благодаря перебежчикам из КПСС стал правящей силой в Латвии уже с 1990 года. На это же время приходится катастрофическое ухудшение жизни населения, саботаж союзных экономических договоров в 1991 году, начинается коллапс экономической жизни в республике.

После провала ГКЧП в августе 1991 года, Верховный Совет принял документ о выходе Латвии из СССР уже де-факто, больше не признавая Латвию в составе СССР. Так как Интерфронт и к тому времени уже оппозиционная Коммунистическая партия Латвии представляли угрозу восстановлению националистических порядков, они сразу же были запрещены. Был арестован первый секретарь ЦК КПЛ Алфредс Рубикс. Коммунистические партии в Латвии запрещены до сих пор!

Когда началось официальное «фракционирование» внутри КПСС и КПЛ, коммунисты (и вообще левые) образовали в Верховном Совете Латвии

фракцию «Равноправие» под руководством Татьяны Жданок. «Равноправие» продолжило деятельность и после 1991 года.

Осенью 1991 года Верховный Совет Латвии, приняв закон о гражданстве Латвийской республики, лишил трети населения гражданских прав, в основном это были русскоязычные (нелатыши), проживавшие в городах и представлявшие рабочий класс на крупных предприятиях (добавим, в течение последующих 4-5 лет почти все крупные фабрики и заводы в Латвии были закрыты). Таким образом, новая власть очистила себе путь для реставрации капитализма и приватизации общенародной собственности.

В Латвии приватизация прошла очень быстро. Раздача собственности проходила в обмен на «приватизационные сертификаты», аналогичные российским «ваучерам», однако гражданин Латвии получал сертификатов больше, чем негражданин. Колхозные земли сразу ушли на приватизацию, но не большими участками, а мелкими кусками, так как правительство хотело создать мелкие крестьянские хозяйства хуторского типа. Как сельскохозяйственную землю, так и городскую недвижимость могли купить только граждане, негражданам это было запрещено. Кроме того, собственность можно было получить способом денационализации, доказав, что твоим предкам она принадлежала до 1940 года (т. е. до советской национализации) — денационализированная собственность также доставалась лишь гражданам. Таким образом создавалась разница в политических и экономических правах граждан и неграждан, отчего национальная рознь между латышами и нелатышами («русскими») только усиливалась.

После этого неудивительно, что латвийское правительство с 1991 года и по сей день, всегда и непрерывно, состояло только из правых (буржуазных) партий.

Но левое движение на фоне катастрофического падения уровня жизни населения оставалось востребованным, хотя политические рамки его очень сильно сузили.

В 1994 году, в нелёгких политических и социальных условиях учреждается Социалистическая партия Латвии (СПЛ). В неё вошли наиболее левые на тот момент общественные деятели, бывшие активисты КПЛ — те, кто защищал советскую власть в 1991 году и впоследствии противостоял реставрации капитализма. СПЛ входила в «Равноправие», и у неё были свои депутаты в парламенте (в 1993 году Верховный Совет был преобразован в Сейм — типичный буржуазный парламент). Для СПЛ и её сторонников это было время трудной борьбы и больших надежд. Главной целью СПЛ было завоевать место в политической жизни (принимать участие в выборах и проводить своих депутатов в государственные и муниципальные учреждения — латвийские власти всеми силами этому препятствовали) и добиться национального равноправия. Социальные вопросы, а особенно классовая борьба, находились на втором плане, отодвигаясь в неопределённое абстрактное будущее. Впоследствии такая позиция привела к снижению активности СПЛ.

Тремя главными фигурами левого (именно левого, а не социалистического) движения 1990-х годов были Жданок, Рубикс и Строганов. Находясь в тюрьме, Рубикс был не столько деятелем, сколько живым символом. Часто проходили публичные акции с требованием освободить Рубикса. Не в последнюю очередь благодаря такой народной поддержке, Рубикс впоследствии был освобождён досрочно за «примерное поведение». Что касается Филиппа Строганова, то он был председателем СПЛ в 1996-1998 гг., и оставил о себе самые лучшие воспоминания у активистов и сторонников Социалистической партии Латвии.

Прорыв информационной блокады представлял собой большую проблему в девяностые годы. Интернета ещё не было, государственное и частное телевидение, как и радио, игнорировали левых политиков или клеветали на них. Основать свой собственный телеканал или радиостанцию было, конечно, невозможно из-за отсутствия больших денежных средств. Можно было рассчитывать только на издание печатного органа — газеты или хотя бы «летучих листков». О выпуске журнала нельзя было даже мечтать. С 1994 года СПЛ ухитрялась издавать газету с символическим названием «Оппонент». С 2002 года выходила газета «Социалист Латвии». Некоторые журналисты коммерческих изданий помещали заметки о левом движении, брали интервью у левых политиков. Единственной левой беспартийной газетой считалась «Панорама Латвии», сочувствовавшая оппозиционным силам не только Латвии, но и России. Благодаря «Панораме Латвии» можно было получить довольно хорошее представление о состоянии дел левого движения в Латвии. Позднее «Панорама Латвии» эволюционировала вправо, сначала в сторону коммерческой желтизны, а затем в сторону путинизма. Вскоре эта газета прекратила существование.

Следует напомнить, что в 1990-х годах не было ясности, кого считать левым, а кого — правым. Например, в России левые ассоциировались с «патриотами», в Латвии было наоборот, за «патриотов» выдавали себя правые. В этой путанице под видом «левых» могли существовать самые странные организации. В Латвии в те годы действовала квазилевая Национал-большевистская партия Владимира Линдермана («нацболы»), идентичная российской партии Эдуарда Лимонова. Совершив несколько громких публичных акций (скорее, хулиганских выходов), лидеры нацболов подверглись почти невероятным преследованиям властей, как в Латвии, так и в России — вплоть до тюремного заключения. Вскоре после этого нацболы перестали называть себя левыми. Если не считать самого Линдермана, то из всех птенцов гнезда линдерманова на виду остался один только Айо Бенес — латвиец и «русский патриот» африканского (!) происхождения. Когда началась гражданская война на Украине, проживавший тогда в Англии Бенес отбыл в одну из «народных республик» для участия в военных действиях. Можно не соглашаться с политической позицией Бенеса, но нельзя не уважать этого храброго человека.

К концу 1990-х годов начинается рост русского национализма в Латвии, хронологически совпадающий с переходом Кремля на позиции «патриотизма».

В это время раскалывается фракция «Равноправие» в Верховном Совете на сторонников формирования социалистического движения и сторонников борьбы исключительно за права русскоязычных в рамках буржуазной демократии. Но уже в 1998 году после освобождения бывшего первого секретаря Компартии Латвии Рубикса из политического заключения, «Равноправие», Соцпартия, Партия народного согласия (будущее «Согласие») объединяются в блок «За права человека в Единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ).

На фоне повальной приватизации, массового обнищания населения, русофобии, нарушения прав неграждан, массовой безработицы, разрушения производства и сельского хозяйства, сворачивания образования на родном языке, блок «ЗаПЧЕЛ» занял левую нишу и успешно набирал популярность. В этот момент выдвигаемые блоком тезисы были особенно актуальны, в том числе в массах, которые после перелома конца 1980-х и начала 1990-х годов боялись любых малейших изменений. И не важно, кто их провозглашал — левые или правые. Так что защита прав русскоязычных, трудящихся, неграждан, безработных, но вместе с тем умеренность политической линии, выглядели актуально и «ЗаПЧЕЛ» на выборах в буржуазный парламент Латвийской Республики — Сейм, в 2002 году набрал наибольшее количество голосов — 25 мест из 100. Как следовало ожидать, борьба в рамках

буржуазной демократии, к тому же урезанной националистической этнократией, не дала никакого результата. Оставшиеся 4 правые партии объединились в правящую коалицию, не допустив к управлению даже очень «умеренно левых» политиков. Более того, не без помощи правящего класса и их представителей в коридорах власти, был инициирован раскол в рядах ЗаПЧЕЛ. Партия народного согласия, которая уже в 2010-х годах преобразовалась в Социал-демократическую партию «Согласие», вышла из блока и создала свою фракцию, надеясь тем самым, что, показав свою лояльность режиму, подчеркнутую умеренность, будет принята в правящую коалицию. В свою очередь, «Равноправие», последовательно отстаивающее защиту образования на родном языке и выступающее за отмену института безгражданства в Латвии, на своём предвыборном съезде вдруг признаёт нерушимость капиталистической экономики, отказ от пересмотра приватизации общенародной собственности, выступает за «рынок», за экономический либерализм, то есть – за эксплуатацию чужого наёмного труда. «Равноправие» в очередной раз опрокинуло социальный аспект борьбы, тем более что лидеры партии (Жданок и другие) к тому времени уже начинали представлять кланы русскоязычной буржуазии, которым не хватало только исключительных прав своего представительства в буржуазной Латвии. Верная своим принципам, по крайней мере, на словах, Социалистическая партия Латвии вынуждена была покинуть ряды объединения «ЗаПЧЕЛ», так как категорически не принимала формулу признания рыночной экономики и результатов приватизации, в которой, кстати, были замешаны и представители партии «Равноправие», представляющие русскоязычную буржуазию.

Тем не менее, распад блока «ЗаПЧЕЛ» в условиях буржуазно-националистического режима Латвии сыграл негативную роль в развитии левого движения в тех, сложившихся условиях. Причём оставшаяся верной социалистическим принципам СПЛ, ввиду объективных и субъективных факторов не стала уделять должного внимания преследованиям русскоязычных, неграждан, развитию образования на родном языке для национальных меньшинств. Эту нишу как раз заняла партия «Равноправие», которая изменила своё название на популярную тогда аббревиатуру «ЗаПЧЕЛ». В этом плане оказалась расколота линия по защите прав, одновременно, угнетённых трудящихся, так и угнетаемых по национальному признаку.

До сих пор говорилось только о так называемых «русских левых». В девяностых годах была предпринята попытка основать партию «латышских левых» под руководством Боярса. Это была партия LSDSP, что расшифровывается как Латвийская Социал-демократическая Рабочая партия. Это название полностью повторяло название дореволюционной партии латышских социалистов-марксистов, возникшей в 1904 году. После революции аббревиатуру LSDSP переняли латышские меньшевики (социал-демократы), называвшие себя истинными наследниками и хранителями традиций (этим они подразумевали, что большевики — «извратители и самозванцы»). Партия Боярса считала себя именно наследницей меньшевиков. LSDSP провела очень успешный референдум против приватизации государственного электромонополиста «Латвэнерго». На муниципальных выборах в Риге LSDSP однажды в начале 2000-х годов получила большинство голосов и сформировала руководство городом. Предыдущее руководство рижской мэрии занималось раздачей денег и недвижимости нужным людям да войной против русского языка, а LSDSP, подражая западноевропейским социал-демократам, занялась хозяйственными вопросами для решения социальных проблем. В частности, социал-демократы возобновили строительство муниципального жилья в Риге — достраивали многоквартирные дома, брошенные и недостроенные в 1991 году. Однако, пойдя на сближение с «русскими левыми», боярсовцы утратили поддержку националистически настроенного

избирателя и быстро выпали из большой политики. Видя это и пытаясь тоже заговорить на языке националистических партий, LSDSP только ещё больше потеряла поддержку населения и перешла в категорию маргинально-микроскопических партий, где и до настоящего времени пребывает. С тех пор больше не видно сколько-нибудь активных «латышских левых», поэтому возвращаемся к «русским левым».

В XXI веке начало складываться второе поколение латвийских «левых». Первое поколение латвийских левых, сложившееся в 1990-х годах, вошло в общественную жизнь ещё до 1991 года. В начале нового столетия начали проявлять общественную активность лица, бывшие несовершеннолетними по состоянию на начало девяностых годов, а вскоре и лица, родившиеся уже не в советское время.

Представители второго поколения отличались не только возрастом — они не были выходцами из КПСС, у них был другой круг знакомств, другой жизненный опыт, другое социальное положение. Кроме того, второе поколение не стремилось официально зарегистрировать свои организации.

В августе 2002 года на крайнем левом фланге стала формироваться революционная левая молодёжь в рамках Социалистического фронта трудящихся. В парламентской политике СФТ однозначно поддерживал блок «ЗаПЧЕЛ» до его раскола. В реальной деятельности СФТ придерживался акций прямого действия, митингов протеста против сложившихся порядков. СФТ однозначно поддерживал пересмотр итогов приватизации, денационализации жилого фонда, но также после раскола ЗаПЧЕЛ поддерживал и борьбу русскоязычной молодёжи и нацменьшинств за свои права и право обучаться на своём родном языке. СФТ по факту являлся исключительно молодёжным образованием — поэтому уже в самом начале 2003 года установил взаимоотношения с наиболее близкой по духу организацией на просторах бывшего СССР — Авангардом Красной Молодёжи. Но у СФТ не было чёткой программы действия, сказывалась неопытность политического руководства, отсутствие связей с родственными движениями, незрелость организационного строительства.

Но в 2004 году, наряду с упразднением распавшегося СФТ, один из лидеров организации, Андрей Кудряшов, вступает в АКМ и основывает его латвийское отделение, тем более что уже с 2002 года он следил за развитием этого коммунистического движения в бывшем СССР. В это же время АКМ выделяется из общероссийского движения «Трудовая Россия» и оформляет сотрудничество с КПСС Олега Шенина, которые, в свою очередь, порвали отношения с оппортунистической партией КПРФ Зюганова. Так как с КПСС сотрудничали и немногочисленные коммунисты Латвии, оформившиеся в политическое движение Союз коммунистов Латвии в 1991-1992 годах, то закономерно, что латвийское отделение АКМ и Союз коммунистов Латвии установили политические взаимоотношения и политическое сотрудничество, довольно успешное в 2005-2006 годах. Лидер АКМ одновременно являлся членом руководящих органов Союза коммунистов Латвии.

2003-2005 годы были периодом максимальной активности русских школьников в борьбе за образование на родном языке. В этом движении принимал участие и АКМ. Это же был и период сотрудничества с возникшей в 1990-ых годах эклектичной Национал-большевистской партией, которую к левому движению Латвии можно отнести лишь очень условно, так как они совмещали в себе эклектику крайне правых движений и защиты прав угнетённых, но в рамках 1990-ых годов они занимали нишу в левом движении Латвии. Уже потом, вышедшая из недр НБП и объединившись с партией Е. Осипова, партия «За родной язык» (ЗАРЯ) официально отказалась себя позиционировать как левая партия.

2005-2006 годы были не только наиболее яркими годами развития Авангарда Красной Молодёжи, но и периодом наиболее жёстких репрессий и преследований членов АКМ. Вызовы в полицию безопасности и незаконные аресты были частой практикой в то время. А в 2006 году полиция безопасности, пытавшаяся незаконно арестовать и изолировать лидера АКМ Андрея Кудряшова во время проведения саммита военного блока НАТО, получила должный отпор. Но на этом основании полиция безопасности завела на него уголовное дело за сопротивление представителям власти при «исполнении служебных обязанностей». Уголовное дело против Кудряшова длилось в течении двух лет, закрывалось за неимением достаточных оснований для его задержания в 2006 году, тем не менее, при давлении со стороны полиции безопасности было доведено до суда, но ввиду абсурдности обвинений закончилось денежным штрафом в размере более чем 1000 евро по нынешним ценам.

Социалистическая партия Латвии искала в этот период наиболее приемлемые силы для дальнейшего сотрудничества и парламентской борьбы. В итоге, в 2005 году СПЛ вошла в объединение политических партий «Центр согласия», которое сформировала расколовшаяся на тот момент на три партии Партия народного согласия. Уже в рамках «Центра согласия» эти три партии объединились в Социал-демократическую партию «Согласие». СПЛ оставалась самостоятельной партией в рамках объединения «Центр согласия» (ЦС). В 2009 ЦС успешно стартовал на муниципальных выборах и победил на выборах в столице Латвии. Мэром города (Риги) стал председатель объединения «Центр согласия» Нил Ушаков, в то время активно поддерживаемый и продвигаемый в том числе членами СПЛ. На фоне развала хозяйства и националистической истерии он тогда смотрелся весьма неплохо, однако, являясь лишь представителем оппортунизма в левом движении, он не стремился проводить радикальные социалистические преобразования, его преобразования касались лишь косметического ремонта отвратительного фундамента рыночной экономики — для этого власть в городском самоуправлении как раз и подходила. На базе социал-демократического реформизма нереально провести фундаментальные преобразования общества. Закрепившись у власти в Рижской думе, сегодня партия «Согласие» проводит всё более либеральную политику, и популизм превращает из «социалистического» в «либеральный», не забывая, тем не менее, периодически успешно играть и на социальной тематике, особенно активно это делая перед очередными выборами. Вместе с этим «Согласие» планомерно отдаляется от своего партнёра по объединению - Социалистической партии Латвии. Тем не менее, ввиду малоуспешной деятельности социалистов, особенно в последнее время, Правление СПЛ не готово порвать политические взаимоотношения с партией «Согласие». Помимо всего этого, «Согласие» успешно ведёт сотрудничество с правой партией «Честь служить Риге» и даже имеет договор о сотрудничестве с российской «Единой Россией». СПЛ много говорит о формировании левого блока с беспартийными и общественными организациями, но на деле, существующим микроскопическим левым организациям не протягивается рука сотрудничества. И быть может, было бы объективнее говорить о едином фронте трудящихся с этими организациями и беспартийными активистами социалистической ориентации, чем с дискредитировавшей себя партией «Согласие», которая себя и не идентифицирует с трудящимися, с работниками наёмного труда, а лишь представляет один из секторов латвийской буржуазии.

Описывая левое движение в Латвии, нельзя обойти вниманием ещё один аспект — «внесистемные» кружки и организации ультралевых. Троцкистов в Латвии нет, зато анархисты представлены небольшими слабо организованными формированиями. По сегодняшнее время они придерживаются принципов «безвластия» и так называемой «антиавторитарности» проповедуя при этом универсальность

«самоорганизации». В этом и заключается ловушка, что за этими своими принципами они не видят законов диалектики общественного развития (а именно, сущности перехода от одного социального уклада к другому). Упования на самоорганизацию «абстрактного» народа, отрицая при этом борьбу классов, они приходят автоматически к политическому маргинализму. Одна из видимых слабо сформированных организаций — Латвийская группа анархистов (ЛГА), в своём стремлении выставить себя самой ультралевой группировкой, отрицая законы классовой борьбы пролетариата против буржуазии, становится лишь «левым» подпевалой правящего класса. Антисоветизм латвийских анархистов тоже заслуживает внимания, например, перед 9 мая в 2014 году ЛГА выпустила статью с кричащим заголовком, который гласил о том, что «помимо Солдата-освободителя Красной Армии, требуется также не забывать и про солдата-насилыника Красной Армии». Понятно, что отрицая законы диалектики, борьбы классов, а также солидаризируясь в классовой пропаганде с нынешним правящим классом, эти «борцы за права народа» автоматически превращаются в глазах этого народа в политических маргиналов и «фриков».

Наконец, после репрессий латышской полиции безопасности, после провального сотрудничества с анархистами, попыток создания широкой левой коалиции — Левого фронта в Латвии и отступления от своих первоначальных принципов изрядно потрепанный АКМ сделал попытку своего «переиздания» в рамках Социального Блока. Социальный Блок, возникший как рыхлая коалиция остатков левых активистов на руинах левого движения Латвии, всё же имел положительные тенденции к структурированию, созданию организационной структуры. Социальном Блоком даже были приняты Программа и Устав, при достаточно слабом содействии активистов организации, тем не менее утвердившим таковые. Социальный Блок в свою очередь выходил на наиболее прогрессивных членов Социалистической партии Латвии. В конце 2013 года, как благодаря сотрудничеству с отдельными активистами Соцпартии, так и при возникающем понимании необходимости объединения в партийную структуру, лидеры и активисты Социального Блока вступают в Социалистическую партию Латвии, сразу же образуют свою первичную партийную организацию, которая вначале своего существования добилась определённых успехов в консолидации немногочисленных левых активистов, регулярно проводила образовательные мероприятия, повышая уровень сознательности в левом движении, а также активно участвовала как в партийных мероприятиях, так и в общественно-политической жизни, активно выступив против членства Латвии в НАТО и против проводимой киевским режимом «АТО» против республик ДНР и ЛНР.

Взаимодействие прогрессивных членов Социалистической партии Латвии и отдельных левых беспартийных активистов привело также к созданию движения Социалистической молодёжи Латвии, которое дважды попадало в поле зрения полиции безопасности, после своих митингов в защиту рабочего класса и против военной политики НАТО. Но, как и в случае с Социальным Блоком, ввиду возникающих противоречий, разности мировоззрений, разности понимания марксизма, а также роли своего участия в левом движении Латвии, в движении происходит размежевание, как на партийных и беспартийных, так и на отдельные группы активистов, участники которых по-разному воспринимают роль своей деятельности в партии. Сама Социалистическая молодёжь Латвии прекратила своё существование, как организационная структура, так как не было поддержки как со стороны партии, так и со стороны беспартийных активистов.

Это привело к разделению одной из первичных организаций Социалистической партии Латвии. В свою очередь, среди активистов левого движения сказывается большое недовольство тем фактом, что линия

Правления СПЛ продолжает линию неравноправного сотрудничества с партией «Согласие». Всё это также усугубляет взаимоотношения между товарищами внутри организации и отразилось на поражении линии движения Социалистической молодёжи Латвии.

Отдельные активисты, разделяющие коммунистические идеи, не оставляют попыток создать дееспособную молодёжную социалистическую марксистскую организацию. Уже в августе 2016 года начался процесс воссоздания «Авангарда Красной Молодёжи», единственной яркой социалистической молодёжной организации на территории Латвии в современное время.

Левым активистам Латвии необходимо понять одно – без организации, в одиночку, вести организационную и пропагандистскую (в том числе, в информационной сфере) деятельность очень сложно. Способны ли будут марксистские активисты СПЛ и АКМ найти точки соприкосновения с работниками наёмного труда, смогут ли они грамотно выразить интересы рабочего класса, стать их авангардом, создав в дальнейшем реально массовую социалистическую рабочую организацию, которая сможет сломить сопротивление диктатуры капитала в Латвии — это нам покажет только время.

Андрей Красный, Александр Локощенко, Нормунд Упениекс

Оригинальная статья